

8P2 (092)
B 22
9-150451

Т. М. Вахитова

Повествование
в рассказах
В. Астафьева
«Царь-рыба»

8P2/092/
B-22

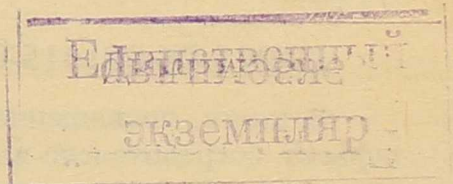
Т. М. Вахитова

Повествование
в рассказах
В. Астафьева
«Царь-рыба»

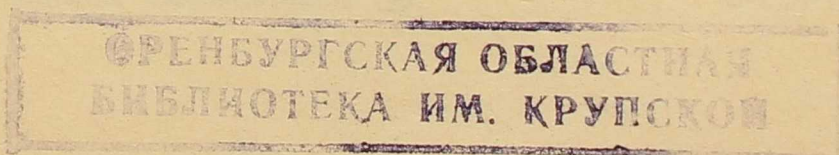

Q.150451

✓
МОСКВА

«ВЫСШАЯ ШКОЛА» 1988

ГЛАВА ВТОРАЯ

ПРОБЛЕМАТИКА И ПОЭТИКА «ЦАРЬ-РЫБЫ»

Судьба «Царь-рыбы» в критике и читательском восприятии весьма своеобразна. Появившись в печати в 1976 г., повесть уже больше десяти лет находится в центре общественного внимания. К ней обращаются литературоведы, критики, педагоги. Однако «повествование в рассказах», как именует «Царь-рыбу» сам автор, весьма прозрачно по своему содержанию. Вроде бы нет в нем никаких тайн, загадок, эффектных параллелей. Речь идет о наших отношениях с природой, о нравственном строе души современника, о простых людях, живущих и работающих в Сибири. Но есть в этом размеренном, по-русски неторопливом, без вычурности, повествовании что-то завораживающее душу, заставляющее все время возвращаться к тексту, вспоминать героев, образы, сцены.

Раздумья писателя оказываются созвучными тем сложным и актуальным проблемам развития нашей жизни, о которых говорилось с трибуны XXVII съезда КПСС, в прессе и, конечно, в литературе. В самом общем виде тему «Царь-рыбы» можно определить как размышления о чистоте нашего бытия, о чистом доме, чистых людях, о чистой, незамутненной природе.

Всего «Царь-рыба» включает двенадцать рассказов. Сюжет повести связан с путешествием автора — лирического героя — по родным местам в Сибири. Сквозной образ автора, его размышления об увиденном, его воспоминания, публицистические отвлечения, прямые обращения к читателю, лирико-философские обобщения являются главной цементирующей силой произведения, объединяя отдельные эпизоды, сцены, характеры и ситуации в законченное художественное повествование.

У «Царь-рыбы» два эпиграфа. Один взят из стихотворения Николая Рубцова:

«Молчал, задумавшись, и я,
Привычным взглядом созерцая
Зловещий праздник бытия,
Смятенный вид родного края».

Другой — принадлежит перу американского ученого Халдора Шепли: «Если мы будем себя вести как следует, то мы, растения и животные, будем существовать в течение миллиардов лет, потому что на солнце есть большие запасы топлива и его расход прекрасно регулируется». Эти строки выражают авторскую позицию, предвещая читателю о противоречивом содержании «Царь-рыбы». Оно включает материал о «зловещем празднике бытия», о «смятенном» облике родного края, поруганной, испоганенной самим же человеком природе и одновременно отражает надежду на то, что еще не поздно наладить гармоничные отношения с природным миром, уничтожить браконьерство как социальное и духовное зло. Эти полярные понятия — смятения и надежды, отчаяния и оптимизма, ненависти и восхищения, уязвленности и мудрого спокойствия, безобразия и красоты — обеспечивают внутреннюю энергию произведения, его сложный, импульсивный ритм, богатую интонационную структуру.

Разные по идейно-эмоциональной направленности и стилевому оформлению эпиграфы (лирико-философские стихи Рубцова и научно-публицистический текст Шепли) определяют основные стилевые потоки «Царь-рыбы», как бы пронизывающие социально-бытовые картины жизни. Реальность, полная конкретных, мельчайших особенностей, непредсказуемости и неожиданности и той яркости, которая открывается лишь знатоку народной жизни, каким и является Астафьев, представляет собой сгруппированные вокруг главной новеллы («Царь-рыба») жанровые сцены, отдельные истории, объединенные и образом автора-повествователя, и сквозными образами героев.

Основу «Царь-рыбы» составляют рассказы о рыбалке, охоте, написанные автором в разное время. Но, по собственному признанию Астафьева, повествование стало рождаться как цельное произведение только после написания новеллы «Капля». «Начал я с главы "Капля", а она потянула на философское осмысление всего материала, повела за собой остальные главы. Друзья подбивали меня назвать "Царь-рыбу" романом. Отдельные куски, напечатанные в периодике, были обозначены как главы из романа, но я сознательно отказался от этого определения... Если бы я писал роман, я бы писал по-другому. Возможно, композиционно книга была бы стройнее, но мне пришлось бы отказаться от самого дорогого, от того, что принято называть публицистичностью, от свободных выступлений, которые в такой форме повествования вроде бы и не выглядят отступлениями»⁴⁸.

Дело в том, что сам жанр «повествования в рассказах» весьма традиционен в русской литературе. Стоит только вспомнить такие произведения, как «Герой нашего времени» М.Лермонтова, «Записки охотника» И.Тургенева, «Севастопольские рассказы» Л.Толстого, «Детство Багрова внука» С.Аксакова и др. Имеет свою традицию эта жанровая форма и в советской литературе: «Районные будни» В.Овечкина, «Липяги» С.Крутилина и др. Как уже было отмечено, и в творчестве Астафьева эта жанровая организация получила свое творческое развитие («Последний поклон»).

И вместе с тем в «Царь-рыбе» своеобразно трансформируются традиционные черты «повествования в рассказах». Прежде всего речь идет об абсолютной авторской свободе, раскованности, которая позволяет автору-рассказчику варьировать повествование, перемежать его отступлениями (публицистического или лирико-философского характера), воспоминаниями, рассказами «бывалых» людей, заядлых рыбаков. В тесном соседстве оказываются жанровые сцены с сочным народным юмором и гротеском, грустные воспоминания, поэтические впечатления, размышления о судьбе мира и человечества; этот разнородный материал в сюжетном плане объединен образом рассказчика, в стилистическом — авторской интонацией. Нельзя не согласиться с утверждением исследователя, что «в повести "Царь-рыба" с особой силой и выразительностью проявился астафьевский дар рассказчика, "проговаривающего" свои сочинения, дар исконно русский, национальный, определяющий специфику классического русского рассказа»⁴⁹.

Рассказы-главы в «Царь-рыбе» как бы дополняют, развивают авторские идеи, обогащая их новыми оттенками, полутонами, как бы накапливая, концентрируя энергию мысли. Если каждый отдельный рассказ воспринимается лишь в своем непосредственном, конкретном смысле и значении, то в системе новеллистического повествования они приобретают дополнительный смысл, разворачивая перед читателем мощную эпическую картину жизни, галерею типов и народных характеров. И образ автора по мере раскрытия содержания становится все более явственным, обнаруживает яркие свойства своей души, характера. Уже ясна его непримиримая позиция по отношению к браконьерству, хамству, унижению человеческого достоинства.

Открывает «Царь-рыбу» рассказ «Бойе». Название рассказу дала кличка собаки, в переводе с звенкийского означающая «Друг». Рассказ, а вместе с ним и все повествование начинается с раздумчивой, элегической ноты: «По своей воле и охоте редко мне приходится ездить на родину. Все чаще зовут туда на похороны и поминки — много родни, много друзей и знакомцев; много любви за жизнь получишь и отдашь, пока не подойдет пора близким тебе людям падать, как падают в старом бору перестоялые сосны, с тяжелым хрустом и долгим выдохом...» Именно об этих людях, прикипевших к душе, с любовью, состраданием, неизбывной грустью вспоминает автор. Он как бы продолжает постоянно мучающие его воспоминания о далеком детстве, юности. Они обретают вторую жизнь на страницах «Последнего поклона» и возникают даже здесь в «Царь-рыбе» — непутевый «родитель», недоверчивая мачеха, «преданный до болезненности» брат Колюха. И рядом с ними совершенно естественно появляется на страницах «Царь-рыбы» вечный спутник и помощник охотника — кобель Бойе. Автор без всякого умиления и сентиментальности, но с удивительным вниманием и добротой рассказывает об этой умной собаке: «Бойе был труженик, труженик безответный». Это самая главная характеристика в устах Астафьева. «Он умел в тайге делать все и соображал, как не полагалось животным», — замечает писатель. Он

не только гонял любую дичь, выводил охотников к дому, но и наловчился даже ловить рыбу из озера. Такого «дива» не видали даже умудренные опытом люди. И какой страшный конец ожидал этого преданного друга и кормильца семьи — его без тени сожаления застрелил конвоир, когда пес бросился на грудь отплывающему вместе с другими заключенными хозяину. «Родившийся для совместного труда и жизни с человеком, так и не поняв, за что его убили, пес проскулил сипло и, по-человечьи скорбно вздохнув, умер, ровно бы жалея или осуждая кого».

Бойе — это символ преданности, беззащитности, вызывающий к совести и справедливости. В какой-то мере соотносим с этим символом и образ самого Колюни, также надорвавшегося в работе, не выдавшего в жизни ни детства, ни ласки. Ведь вторая часть рассказа «Бойе» посвящена Колюне. В ней повествуется о том, как охотники — Колюня, Архип и Старшой — отправились в тундру за песцом. Однако охота оказалась неудачной. Засыпанные снегом в охотничьей избушке в жуткую метель и мороз люди возненавидели друг друга. «Нарушилась душевная связь людей, их не объединяло главное в жизни — работа. Они надоели, обрыдли друг другу, и недовольство, злость копились помимо их воли». Ослабленный от недоедания Колюня все-таки находит себе дело: бегаёт на лыжах в лес за дровами. Однажды среди глубоких снегов он заблудился, потерял ориентиры, ослеп. И ослабевшему, теряющему сознание Колюне мерещится среди белых снегов Бойе. Его милый домашний образ пробуждает в охотнике силы бороться. Так помогает своему другу уже после гибели верный и преданный пес.

Астафьев легко и свободно обращается с временными понятиями: то рассказ ведется из настоящего, то перемежается послевоенными воспоминаниями, то более поздними. Так, вначале автор выступает нашим современником, размышляющим о сущности жизни, потом вспоминает Игарку сразу же после войны, отца, работавшего на дровозаготовках, потом идут воспоминания о поездке в те же места спустя десять лет, рассказ об охоте брата Николая сопровождается небольшой справкой автора: «А я мчался по ясному голубенькому небу в Москву, учиться уму-разуму на литературных курсах». Заканчивается «Бойе» сообщением автора о том, что он все-таки собрался спустя годы в гости к брату Николаю с семьей. И следующий рассказ повествования «Капля» начинается с описания изумительной рыбалки на таинственной речке Опарихе. В этой новелле впервые появляется друг Колюни — Аким, которому впоследствии уделяется большое внимание в «Царь-рыбе».

«Капля» — своеобразный лирико-философский центр первой части «Царь-рыбы». Удачная рыбалка, азарт, который овладевает как неискушенными, так и умудренными успехами рыбаками, описываются автором с легкой иронией, добрым юмором. Повествование, исполненное в сказовой манере, пересыпано шутками, прибаутками, смешными охотничьими присказками и рассказами. Мастерство Астафьева-рассказчика в том, что писатель умеет заворочить, завлечь читателя и юмором, и искренностью тона, особой доверительной интонацией и одновремен-

но исподволь подвести к очень сложным, обобщенно-философским размышлениям. Переход от конкретного разговора, бытового повествования к этим непростым вопросам и проблемам совершается для читателя почти незаметно.

Так, в рассказе «Капля» посреди разговора о рыбалке вдруг возникают в соответствии с сюжетными поворотами описания дикой, нетронутой человеком природы. «Отошли семь-восемь километров от Енисея, и нет уже человеческого следка, кострища, порубок, пеньков — никакой пакости. Чаше завалы поперек речки, чаще следы маралов и сохатых на перетертом водою песке. Солнце катилось куда-то в еще более густую темь лесов. Перед закатом освирепел гнус, стало душнее, тише и дремучей».

Рыбалка закончилась. Рыбаки напились чаю и заснули у костра. Лишь рассказчик остался у догорающего огня наедине с вечной тишиной, со своими трудными размышлениями о жизни, о смысле бытия. Обостренное восприятие природы, раскрывающей человеку и тайны космического звездного пространства, и жизнь микромира, рождает лирико-философские отступления. «Это она, моя душа, — замечает рассказчик, — наполнила все вокруг беспокойством, недоверием, ожиданием беды. Тайга на земле и звезды на небе были тысячи лет до нас. Звезды потухали иль разбивались на осколки, взамен их расцветали на небе другие. И деревья в тайге умирали и рождались, одно дерево сжигало молнией, подмывало рекой, другое сорило семена... Нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима. Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удастся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудешь в ней и не повращуешься ею, тогда только вонмешь ее могуществу, почувствуешь ее космическую пространственность и величие».

Рассказчик размышляет не только о природе — ее великой красоте, недоступности, величии, но и обращается к сложным проблемам личной ответственности человека за все, свершающееся в этом мире.

В самую возвышенную и таинственную минуту раздумий лирического героя возникает образ капли. Автор-рассказчик «почувствовал вершину тишины, младенчески пульсирующее темечко нарождающегося дня — настал тот краткий миг, когда над миром парил лишь божий дух один, как рекли в старину. На заостренном конце продолговатого ивового листа набухла, созрела продолговатая капля и, тяжелой силой налитая, замерла, боясь обрушить мир своим падением».

За краткий миг человеческого существования (пока не обрушилась капля на землю и не рассыпалась на тысячи мелких брызг), который прекрасен и полон высокого духовного содержания, совершаются в душе сложные сдвиги: зарождаются, утверждают и вновь разруша-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	4
Глава первая. Этапы творческой эволюции Виктора Астафьева	8
Глава вторая. Проблематика и поэтика «Царь-рыбы»	35
Глава третья. Нравственно-этическая концепция «Царь-рыбы»	54
Вместо заключения	64
Список рекомендуемой литературы	70

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48